

15 путешествий
по российской
глубинке в поисках
просвета

18+

евгения волункова

ПОД
ТЕКСТЫ

Евгения Волункова
Подтексты. 15 путешествий
по российской глубинке
в поисках просвета
Серия «Есть смысл»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65714030

*Подтексты. 15 путешествий по российской глубинке в поисках
просвета / Волункова, Евгения: Время; Москва; 2021
ISBN 978-5-6045598-2-6*

Аннотация

«Подтексты» – честный путеводитель по жизни в российской глубинке, написанный социальным журналистом Евгенией Волунковой. В книге собраны 15 резонансных репортажей из разных уголков страны. Каждый текст дополнен «подтекстом», небольшим авторским послесловием о поисках справедливости и надежды, эмоциональных вызовах и профессиональном выгорании, о сгущающейся тьме и просветах в ней.

Содержание

Евгения Волункова	4
Вступление. В черном-черном городе...	5
Бабушка в дыму	9
Свое место	17
Писать, чтобы менять	20
Путешествие первое. Чужие	22
Рабство	23
«После уроков тебе хана»	27
«Мы выпустили весь район»	30
«Война»	34
Родители третьего сорта	36
Неадекватные	40
«Она и спеть может»	42
«Догвилль»	47
Угрозы, слезы и суды	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Евгения Волункова
Подтексты. 15 путешествий
по российской глубинке
в поисках просвета

© Евгения Волункова, текст, 2021

© Оформление. БФ «Нужна помощь», 2021

Вступление. В черном- черном городе...

Россия большая, а знаем мы о жизни в ней очень мало. Как живут люди в маленьких городах? А в деревнях и селах? О чем они грустят и мечтают? Чего боятся и что преодолевают, какая им нужна помощь и как они помогают другим?

Работая корреспондентом социального медиа «Такие дела», я исколесила всю страну – чтобы не только самой ответить на эти вопросы, но и рассказать читателям о реальной жизни в российской глубинке. В поисках фактуры для своих материалов я утопала в карельских болотах, ездила на собачьих упряжках, кольцевала птиц, ухаживала за пациентами хосписа, а однажды даже подгорела во сне на деревенской печи. Завернутая в оленьи шкуры, неслась в санях ямальных оленеводов навстречу лютой стуже. Видела морских котиков в живой природе на расстоянии вытянутой руки (они очень забавные и любопытные). Гладила носы северных оленей. Забиралась в горы с великой советской альпинисткой, наряжалась в ингушское свадебное платье, пасла баранов в кавказских горах. Разговаривала с чеченскими женщинами об ужасах, в которые невозможно поверить. Водила в школу слабовидящую девочку. Обнимала плачущих от горя людей в разных концах страны и потом, в одиночестве, рыдала от

бессилия, потому что не знала, как им помочь.

С 2015 года я написала для «Таких дел» много репортажей о жизни людей в самых разных точках России. У меня накопился опыт полевой работы (веселый, грустный, страшный, разный). Я воочию увидела, какая удивительная и разная наша страна. Как людям порой непросто здесь жить. И как они делают все возможное для того, чтобы жизнь стала лучше.

Эта книга – своего рода путеводитель по жизни людей в провинции. В ней собраны 15 репортажей из разных уголков России. Может показаться, что многие из них про черный-черный город из детской страшилки. Помните? «В черном-черном городе, на черной-черной улице стоит черный-черный дом...» Сплошные боль, страдание, безнадега. Ведь я в основном пишу о том, как люди живут в нечеловеческих условиях, страдают от произвола властей, еле сводят концы с концами, сражаются с тяжелыми болезнями, сталкиваются с дискриминацией и насилием. Чувствуют себя потерянными, одинокими, ненужными.

И все-таки как-то справляются. Находят в себе силы, опору – в тех, кто рядом. И идут на контакт с журналистом, чтобы быть услышанными.

Чтобы что-то изменить.

Каждый репортаж в этой книге я дополнила послесловием. В них я пишу и об изменениях, произошедших после публикации материалов, – в конкретной области и в жизни

моих героев в частности. Я рассказываю о случаях, когда благодаря огласке заржавевший бюрократический механизм начинает раскручиваться. Чиновники вспоминают об обязательствах многолетней давности, а прокуратура начинает проверять учреждения, в которых годами замалчивались злоупотребления и превышения должностных полномочий. И, конечно, я пишу о том, как поменялось самочувствие (и самоощущение), материальное положение, образ жизни самих героев.

В этих-то «подтекстах» надежда и занимает место безнадёги, потому что в них виднеется просвет.

Журналистское «закулисье» всегда остается за кадром. Правда, иногда я рассказываю в соцсетях о том, что со мной происходит «в поле» во время командировок. Это небольшие зарисовки: с чем репортеру приходится сталкиваться – от бытовых условий до случайных разговоров.

Эти зарисовки часто очень эмоциональные. После таких постов читатели спрашивают меня, как я выживаю в своих командировках. Так и пишут: «Как вы выживаете, Евгения?» Потому что некоторые поездки кажутся (и иногда действительно бывают) экстремальными и эмоционально тяжелыми. Еще читателям интересно, что я чувствую, как нахожу героев, как с ними разговариваю? Не хочется ли мне все бросить, когда работа не дает результата, и каким должен быть этот самый результат?

Так что я решила рассказать и про личные, эмоциональ-

ные вызовы, с которыми сталкивается социальный журналист во время работы над текстом и после. Потому что закулисы очень хорошо передает действительность со всеми ее монстрами.

Вот из этих закадровых историй и выросла моя книга.

Бабушка в дыму

В социальную журналистику я пришла не сразу. Первое время хваталась за все подряд и особенно любила работать в жанре «журналист меняет профессию». Было интересно примерять на себя чужую жизнь, рассказывать о том, как она устроена. Мне тогда казалось, что только так, максимально погрузившись, можно рассказать историю честно. Я кормила форель в форелеводческом хозяйстве, облачившись в болотные сапоги до подбородка. Разводила пчел в маске пчеловода. Пыталась подстрелить щуку гарпуном в костюме подводного охотника. Выживала в лесу с одним ножом и зажигалкой. Жила в доме муфтия, притворяясь третьей женой. Прыгала с руферами по крышам в Петербурге. Тусила с кришнаитами, носила сари, ела ростки и распевала «Харе Кришна» на улицах. В общем, развлекалась и писала веселые и познавательные (наверное) тексты изнутри. Пока однажды не оказалась дома у Галины Жуковой.

Весной 2013 года я приехала в Олонец готовить материал про гусиные бега для карельской газеты, в которой тогда работала. После соревнований ко мне обратилась местная активистка Нина Щербакова: «У нас тут в деревянном доме задыхается семидесятилетняя бабушка, напишите про нее!» Мы зашли в аварийный дом. Я сразу закашлялась – едкий дым наполнял помещение. Пока я размазывала по ще-

кам «дымовые» слезы, моя сопровождающая шагнула вглубь комнаты и крикнула: «Галина Павловна, я привела журналиста!» Я разглядела в дыму пожилую женщину на инвалидном кресле, закутанную в плед.

В молодости Галина Жукова жила с мужем в коммуналке. Ждали квартиру. В администрации им сообщили, что пока можно въехать в старый дом под снос – на его месте скоро будут класть дорогу. Дом снесут, и семья получит нормальное жилье. Обещание сделать дорогу мэрия сдержала. А вот квартиру Жуковы так и не увидели, потому что шоссе пролегло мимо дома. Много лет они ждали обещанного переезда, но чиновники всегда находили отговорки. Даже когда Жуковой ампутировали ногу, и она оказалась в инвалидном кресле, им не удалось выбить из администрации жилье. Муж Галины Павловны до переезда не дожил – умер. И пенсионерка осталась одна среди развалин.

Сейчас меня уже мало что удивляет. А тогда, дома у Галины Жуковой, я испытала шок. Озиралась и не верила, что человек может жить в таких условиях. Дырявый потолок (дождь заливал в доме вообще все), гнилые подоконники, черные от дыма стены, вздувшийся деревянный пол. Иногда, не удержав равновесия на кривом полу, Галина Павловна падала вместе с коляской. И лежала до приезда «скорой помощи». Но самое страшное – дырявая печь, из которой, если ее топить, валил дым, как из дымохода. «Это не передать, – со слезами рассказывала Галина Павловна. – Зимой я топила

лежанку и задышалась в дыму. Потому что если не топить, замерзаешь. А из дыр тепло быстро уходит... В доме была минусовая температура. Окна завешивала одеялами. Мыться было никак. Приезжала троюродная сестра, сажала меня на табуретку посреди комнаты и обливала водой – мыла... Все по покатоному полу стекало в угол. Если ко мне приходили – сидели на шубе, я ее на стул стелила. И сама всю зиму провела дома в тулупе».

Всю дорогу из Олонца до Петрозаводска меня трясло. Я не могла понять, как Жуковой удастся выжить в таких условиях. Куда смотрит местная власть, когда рядом замерзает больной человек? В тот же вечер я написала довольно эмоциональный текст. А потом позвонила мэру Олонца Сергею Кохову.

Кохов уже видел публикацию и был невесел. Он рассказал, что история пенсионерки ему известна, но решить проблему непросто: муниципального жилья для переселения в городе нет. Но он попытается что-нибудь придумать.

Пока Кохов придумывал, мы с Ниной Щербаковой создали группу помощи пенсионерке во «ВКонтакте». Везде, где только можно, я опубликовала ее историю и реквизиты для перевода средств. Собирали на лекарства, на работу печника и кровельщика, которые подлатали в доме печь и потолок. Я тогда ничего не знала о благотворительности и возможностях социальной журналистики. Действовала по наитию: хотелось хоть как-то облегчить жизнь Галине Павловне.

Параллельно я не оставляла в покое Сергея Кохова и названивала ему с вопросом, придумал ли он что-нибудь, как обещал. Он придумал.

«Я нашел для Жуковой нежилое помещение – бывший офис, который находится на первом этаже жилого дома, – рассказал мэр. – Там есть туалет, раковина и еще одно небольшое помещение, в котором можно установить душевую кабину. Сами понимаете, чтобы там жить, нужно много чего сделать. Перевести помещение из нежилого фонда в жилой, установить душ, электроплиту, перегородку в комнате, пандус на крыльце, провести общий ремонт... Я займусь всем этим, и бабушка переедет».

Я написала новость с комментарием мэра, обрадовала Галину Павловну, и мы стали ждать. В конце августа я вновь созвонилась с Сергеем Коховым узнать, когда же переезд. Мэр сообщил, что на помещение был наложен арест, и он очень долго с этим разбирался. Теперь арест снят, документы готовы, администрация приступает к работам. Градоначальник заверил, что до холодов они закончат.

Наступили холода, Жукова продолжала жить в аварийном доме. В декабре Кохов говорил мне, что ему очень жалко бабушку и стыдно, что в его городе творится такое безобразие. Рассказывал, что бумажная волокита «заволокитилась», но ремонт в будущей квартире пенсионерки уже идет. Специально нанятая строительная фирма расширяет проходы, огораживает комнаты, кладет плитку. Так что к Новому году –

ура, Жуковой будет преподнесен «жилой» подарок. Все время, пока чиновники обещали, решали бумажные вопросы и якобы делали ремонт, Галине Павловне помогали не умереть обычные люди, прочитавшие ее историю. Переводили деньги, покупали продукты, Олонецкий молочный комбинат даже подарил ей новый диван в «будущую квартиру».

Наступил Новый год. Закончились январские праздники. У меня раздался звонок: «Галина Павловна задыхается дома в дыму. Помогите!» И я снова помчалась в Олонец.

В минус двадцать пять у Жуковой все было нараспашку. Она сидела за дымовой завесой, до подбородка закутавшись в серую шаль: в доме было почти так же холодно, как на улице. На вопрос, заходил ли к ней глава и показывали ли ей обещанное жилье, бабушка ответила отрицательно. К ней заглядывает только социальный работник. Да и тот старается побыстрее убраться из квартиры, в которой нечем дышать.

В офисном помещении, которое обещали Галине Павловне, я застала представителя строительной фирмы-подрядчика и нескольких работников. Меня провели внутрь и показали недоделанный ремонт. «Осталось немного, – рассказал строитель. – Мы положили плитку, расширили проемы, сделали перегородки. Осталось купить унитаз, бойлер, раковины и еще кое-какие мелочи. Я уже выписал все необходимое в строительном магазине и отнес в администрацию счет. Сергей Кохов его оплатил. Но деньги вернулись обратно, потому что счет оказался недействительным. А теперь этот счет

заморожен судом, и провести повторный платеж невозможно. Денег нужно – семьдесят семь тысяч рублей. Но я же не могу со своего кармана!»

Сергей Кохов отказался со мной встречаться, сославшись на неотложные дела, мы пообщались по телефону. (Надо сказать, что уже с осени мэр очень неохотно шел на контакт, было очевидно, что я его достала.) Он рассказал, что бухгалтер по ошибке перевела деньги не туда. И теперь они заморожены, и ничего не поделаешь.

– Но когда замерзающая Галина Жукова сможет наконец переехать?

– Я пока не могу ничего сказать. Сделаю все возможное.

– Вы обещали сделать все возможное полгода назад!

– Да, но я не всегда могу справляться с обстоятельствами... Произошла ошибка со счетом. Я не виноват!

– Неважно, кто виноват. Важно найти деньги.

– Да найду я эти деньги! Сам куплю эти унитазы, раз в них весь затык!

– А может, бабушку уже можно поселить в этом помещении? Дома у нее все равно нет ни унитаза, ни воды. Зато здесь тепло, и не будет дыма...

– Переезжать заранее – это ненормально. Она въедет только тогда, когда все будет доделано по-человечески.

– Если доживет...

– Я обещаю сделать все как можно скорее. Дайте мне неделю.

Я вернулась к Галине Павловне и рассказала, как выглядит ее будущий дом: большая ванная, туалет с широким входом, две комнаты, душ с теплой водой. Бабушка как будто посветлела лицом, хотя было понятно, что в рассказы про новую квартиру она больше не верит. Я спросила, не хотела бы она провести оставшиеся недели в больнице, под приглядом врачей, в тепле? Много раз Нина Щербакова уговаривала пенсионерку уехать из дома до переезда, предлагала разные варианты, но Галина Павловна всегда отказывалась. Отказалась и сейчас. «Я боюсь, что лягу в больницу, и про меня забудут, — объяснила она. — Отсюда — только в новое жилье. А если не доживу, значит, не доживу».

Я уехала в Петрозаводск, написала записку о том, что Галина Жукова все-таки переедет, и на обустройство ее квартиры понадобятся деньги. Читатели начали переводить. Я отсчитала неделю, потом вторую. Собралась звонить мэру, но тут позвонила Нина Щербакова: «Евгения, приезжали из аппарата правительства с начальником отдела проверок выполнения решений правительства Абрамовым. Изучали вопрос расселения граждан из аварийного фонда и фактическое положение вещей. Первым делом они навестили Галину Павловну, а с ними пришел и Кохов. Мэр сказал, что восьмого марта будет с ней пить чай в новой квартире. А еще соцзащита выискала для бабушки какую-то причитающуюся помощь. Шумиха помогла!»

В феврале я снова ездила в Олонец проверять, как дви-

жется ремонт. К этому моменту установили сантехнику, сделали полы и положили плитку. Доклеивали обои. К восьмому марта действительно успели. На деньги, которые перевели неравнодушные люди, удалось купить необходимую мебель и материалы. Стиральную машинку и микроволновую печь Галине Павловне подарили бывшие сотрудники детского сада «Звездочка», в котором она когда-то работала. Кто-то из жителей Олонца купил бабушке телевизор, кто-то прихожую.

Галина Павловна расплакалась прямо на пороге новой квартиры. Я и сама едва не разрыдалась, когда увидела, что все получилось.

История Галины Жуковой изменила мой взгляд на журналистику. Я поняла, что она может быть не только инструментом информирования, но и средством помощи. Может обнажить проблему и объединить вокруг себя людей, которые хотят помогать другим. Может заставить чиновников работать. Что она способна менять жизнь к лучшему. Пусть точно, не глобально, но оно того стоит. И главное, я поняла, что мне ужасно нравится рассказывать истории «маленьких» людей – тех, о ком редко говорят современные медиа. И что эти истории вызывают у читателей интерес и отклик.

Свое место

После истории про Галину Жукову я написала много материалов о жизни и трудностях простых людей. Рассказывала о благотворительных организациях, которые помогают сиротам, людям с инвалидностью, наркозависимым. Писала о матерях-одиночках, врачах, которые спасают людей в жутких условиях районных больниц.

Материалы не всегда были мрачные. Социальная журналистика – это, как мы любим говорить в «Таких делах», не только боль и страдание. Правда, наш бывший главный редактор Настя Лотарева, когда писала эту фразу, всегда в скобках указывала: «только».

Я рассказывала о женщине, которая восстановила старинный деревянный дом – ради этого она продала все, что у нее было, даже фамильные украшения. О семье, которая переехала из Москвы на глухой карельский север, чтобы развивать ездовой спорт. О женщинах, спасших от вымирания родную деревню. О девушке с ДЦП, ставшей чемпионкой по плаванию, несмотря на болезнь и кучу преград, которые выставляло перед ней общество. Мне часто сообщали, что после моих историй кто-то стал волонтером, кто-то – донором крови, кто-то начал приводить в порядок старинный бабушкин дом, кто-то взял себя в руки и начал бороться с болезнью. Все эти письма и отклики, в свою очередь, вдохновляли

меня: значит, все не зря. Но кое-что смущало.

Я постоянно металась между границами «активист» и «журналист». Например, написав репортаж про детский дом в глубинке, где у детей нет даже игрушек, я не смогла просто опубликовать и забыть. Когда несколько читателей позвонили в редакцию и предложили передать вещи для подопечных, я сказала: «Конечно, привозите, мы что-нибудь придумаем». Придумывать, в общем-то, было нечего – отвезти в детский дом подарки (приближался Новый год) можно было только на личном транспорте. Мою идею поддержал коллега, Михкель Алатало, который и стал водителем. Ехать предстояло пять часов по карельскому бездорожью. Ради нескольких пакетов с игрушками, которые нам принесли в редакцию, отправляться в такую даль не хотелось, поэтому я написала в соцсетях, что хочу привезти к Новому году подарки в сельский детский дом. И все, про работу журналиста мне пришлось на несколько дней забыть.

Мне бесконечно звонили и писали, привозили домой игрушки, книжки, одежду. К кому-то я ездила сама. Через несколько дней моя квартира была завалена пакетами – даже после тщательной сортировки все вещи не влезли в машину. Поездка заняла целый день: выехали в семь утра, вернулись в полночь. Я очень устала за неделю подготовки к ней, но заметку о том, как рады были дети получить к Новому году подарки, писала с удовольствием. А потом, в Рождество, я в образе Снегурочки разъезжала с гостинцами по малообеспе-

ченным семьям. Чтобы собрать все необходимое, потребовалось много времени: договориться с семьями, узнать, что ждут в подарок дети, встретиться с людьми, которые покупали эти игрушки...

Позже, снова в редакции, я принимала от читателей вещи для многодетной матери, на материал о которой откликнулось много народу. Я отвозила ей посылки, помогала собирать справки, общалась с читателями, связывалась с администрацией, ЖКХ, социальными центрами. Тогда-то я и начала размышлять о том, где грань между журналистикой и активизмом? Должна ли я как журналист брать на себя так много и лично включаться в решение проблем, о которых я пишу? Как на самом деле должна работать социальная журналистика? Насколько эффективна адресная помощь?

Ответы на все эти вопросы я получила, когда в 2015 году стала работать в интернет-издании «Такие дела», медиапроекте благотворительного фонда «Нужна помощь». У всех материалов, опубликованных на портале, конкретная цель – помочь их героям. Но переводить деньги предлагается не конкретному человеку, а профильному фонду, который помогает большому количеству людей с похожими проблемами. Журналист в этой цепочке выполняет свою прямую обязанность и только: рассказывает историю, привлекая внимание к проблеме.

Писать, чтобы менять

Вообще-то журналистика – это в первую очередь информирование. Но выпуская новый проблемный материал, я подспудно жду, что он как-то повлияет на непростую ситуацию героя. Я не всегда пишу статьи просто для того, чтобы донести информацию. В социальной журналистике все сложнее и глубже. Многие герои – люди в трудной жизненной ситуации, и хочется, чтобы она разрешилась, жизнь наладилась. Каждый раз, когда после выхода текста происходит что-то хорошее, журналист радуется. И переживает, если ничего не выходит.

Работая над этой книгой, я пересмотрела все свои опубликованные тексты и с радостью отметила, что чаще всего для героя что-то менялось к лучшему. От глобальных перемен, когда, например, жители Карелии больше года спасали свой бор от вырубки, а после материала «Таких дел» власти расторгли договор аренды леса с девелопером и перенесли строительство в другой район (тут надо справедливо заметить, что положительный итог этой истории – совокупность большой работы и самих героев, и активистов, и других журналистов). До финансовой поддержки, которую читатели оказали самым разным героям. И просто внимания. Как, например, в случае с модником из Кирова, дедушкой, который шьет себе невообразимые костюмы и гуляет в них по городу. После

моей статьи его атаковали телевидение и режиссеры, и он остался очень доволен.

Но так бывает не всегда. Случались и провалы, некоторые из них я переживала особенно тяжело. Я понимаю: когда не получается – это нормально. Но не переживать все равно невозможно.

Но даже, несмотря на провалы, моя работа показала, что в силах журналистов что-то менять к лучшему. Пусть точечно, но мы зажигаем свет в черном-черном городе. А когда у нас это не выходит, он все равно то там, то тут горит: его зажигают герои материалов и читатели.

Я приглашаю вас отправиться со мной в путешествие. Мои репортажи перенесут вас в 15 уголков нашей страны и расскажут о непростых судьбах простых людей.

Было сложно выбрать, какие истории должны стать частью этой книги, потому что все – важные и нужные. Поэтому я сделала ставку на разнообразие: захотелось, чтобы вы увидели работу журналиста в разных жанрах и с разными темами. И чтобы финал историй тоже был разный, от триумфального до нейтрального (да, иногда после выхода истории совсем ничего не происходит, и это нормально).

Если вам станет грустно в начале чтения, не бросайте и не отчаивайтесь. Да, мы живем в такой разной и не всегда приглядной действительности. Но все, что происходит, – точно не конец света. Вот увидите.

Путешествие первое. Чужие

Место: село Хворостянка, Самарская область

Время: февраль 2019 года

Сюжет: восьмиклассник Азат заступился за свою маму-инвалида, которую оскорбляли его ровесники. Мальчика избили, а мать объявили «врагом народа».

В начале учебного года в селе Хворостянка Самарской области возле школы избили восьмиклассника Азата Алгалиева. Бил одноклассник Кирилл Макаров, остальные ученики снимали процесс на телефон. Азат попал в больницу с сотрясением мозга и переломом носа. Но прежде, чем его удалось госпитализировать, классный руководитель и директор школы пытались помешать маме Азата Найпе Алгалиевой, инвалиду третьей группы, обратиться в «скорую». Ведь тогда информация о драке «уплывет» в полицию, а это пятно на репутации школы и проблемы у руководства. Найпа не согласилась, что репутация директора важнее здоровья ее ребенка. И не могла даже представить, что ввяжется в настоящую войну против школы, а ее сыну Азату в классе объявят бойкот.

Рабство

Найпу Алгалиеву в Хворостянке называют Ларисой – так проще и по-свойски. Алгалиева переехала в Хворостянку из соседнего села Владимировка в 2015 году. Во Владимировке у нее были большой дом и хозяйство. И муж, который, когда Азат был маленький, ушел за хлебом и не вернулся. «За хлебом – это не шутка, – рассказывает Алгалиева. – Дома не было хлеба, он взял у меня деньги и пошел в магазин. Больше я его не видела». Когда муж уехал, Найпа осталась одна с двумя детьми (старшая дочь Найля в прошлом году окончила школу и уехала учиться в Самару) и сестрой Ольгой. У Ольги – умственная отсталость, Найпа ухаживает за ней, как за ребенком. А Оля, в свою очередь, помогает Найпе на работе и везде водит ее под ручку. Женщины почти никогда не выходят из дома порознь и, кажется, срослись друг с другом, как сиамские близнецы.

У Найпы сломан позвоночник и правая нога в трех местах. Когда она была беременна Найлей, быки замотали ее цепью и протащили из хлева до самого дома. Ребенка она не потеряла, но здоровье ушло навсегда. Операции, аппарат Илизарова, костыли. Нога и спина у Найпы сильно болят, но не было ни дня, чтобы она не работала. Во Владимировке работы для инвалида не нашлось. Зато в Хворостянке ее взяли на автомойку (стискивая зубы, она старательно мыла

машины и доказала, что хромота ей не мешает). Она ездила туда на автобусе, захватив с собой Найлю и Азата.

«Ездить было тяжело, и я решила продать скотину – овец, коров, чтобы купить машину, – рассказывает Найпа. – Какое-то время возила их на машине, а потом решила, что проще переехать в Хворостянку. Да и школа там лучше... Ради кого жить, если не ради детей?» Найпа продала дом, машину и купила в Хворостянке квартиру.

Найпа уходит из дома в восемь утра, а возвращается в девять вечера. После автомойки вместе с Ольгой моет полы в продуктовом магазинчике. На две пенсии по инвалидности с двумя детьми жить невозможно, и Найпа не отказывается ни от какой работы. Помыть окна в суде, прополоть кому-то огород...

«В первый же день, как мы переехали, я пошла в школу, – рассказывает Алгалиева. – Нас хорошо встретили, и дети сразу стали учиться. Азат закончил четвертый класс, а когда перешел в пятый, начались проблемы. Его классная, учительница по английскому, Ольга Васильевна Обухова, сказала мне, что Азат слабоват в английском и других предметах и нужно репетиторство. Ольга Васильевна занимается с детьми у себя дома, к ней очень много ребят ходит. Я сказала, что денег у меня нет, и что она должна прямо на уроке подтягивать отстающих, на то она и учитель. Но Обухова сказала, что заниматься на уроке бесплатно не будет, но, если у меня нет денег, можно устроить по-другому. И предложила

нам на нее работать, и тогда она будет Азата подтягивать. Я согласилась. И мы всей семьей как будто попали в рабство».

По словам Найпы, она, Ольга, Азат и Найля делали уборку у учительницы дома. Мыли полы, окна, сантехнику. Зубными щетками, которые Обухова им выдала, драили душевую кабину и швы на кафеле. Мыли баню и убирали курятник. Таскали мешки со строительным мусором. Пололи огород. Рубили кур и индюшек: ощипать, нарубить, разложить по отдельным пакетам – адский труд, за который с Найпой Обухова расплачивалась оценками, а с ее сестрой Ольгой – деньгами: «Когда сто рублей даст, когда двести пятьдесят, когда пятьсот».

«Когда я поняла, что сил на такую адскую работу у меня нет, стала отказываться. А она во-о-от такую двойку ставит Азату в дневник и потом названивает. “У Азата двойку видали?” При этом дочка моя у него проверяла уроки, все было в порядке. Однажды, пока я была на работе, Обухова приехала к нам домой и забрала работать мою сестру. Ольга с умственной отсталостью, с ней такое легко провернуть. Я домой вернулась – Ольги нет. Туда-сюда, к соседке. Та говорит, мол, учительница ваша ее увезла. И тут вернулась Оля, от усталости еле на ногах стоит. Я ее спрашиваю, чего она там делала, она рассказывает, что Обухова уселась голая в бане и приказала себя мыть».

«После этого случая я стала скрываться, – продолжает Найпа. – Не отвечала на ее звонки, а когда та приезжала, де-

лала вид, что меня нет дома. Натурально боялась выйти из квартиры. Успеваемость Азата резко упала. Я не хочу сказать, что он отлично учился, но столько двоек у него не было никогда! Я твердо решила, что хватит с меня этого рабства за копейки, как-нибудь доучимся. А через три месяца случилась эта история с дракой».

«После уроков тебе хана»

Найпа Алгалиева проходила мимо школы, где на первом этаже у 8 «Б» класса шел урок русского языка. Когда она, держась за Олю, поравнялась с окнами класса Азата, его одноклассник Кирилл Макаров увидел в окно хромоногую женщину и закричал на весь класс: «Смотрите, хромоногая инопланетянка!» Ученики повскакали с мест к окнам и начали смеяться и обзывать. Азат тоже привстал посмотреть, кто так развеселил одноклассников. И увидел, что это его мама.

«Мне стало плохо, – рассказывает Азат, глядя себе под ноги. – Я смотрю на учителя, а она ноль внимания. Ни замечания Макарову не сделала, ничего. Я не помню, как досидел этот урок, так стало обидно за мамку. Я дождался перемены, вызвал Макарова на крыльцо и говорю: “Не смей обзывать мою маму!” Тот в ответ начал смеяться, я замахнулся, он увернулся, нас разняли. А потом в столовой он мне сказал: “Азат, тебе после уроков хана”».

Алгалиева отвели в укромное место неподалеку от школы, окружили, достали телефоны. «Я попросил убрать телефоны, и тут в меня прилетел кулак Макарова. В глазах потемнело, я упал. Поднялся, все как в тумане. Еще два удара, я снова упал. Когда все ушли, я почти ничего не видел. Мой одноклассник, Костин, помог мне подняться, дал мне

салфетки, и я пошел домой».

Дома Азат быстро прошел в ванную, но мама зашла следом и увидела распухшее лицо, кровь и разорванную одежду.

«Я дала ему холодное полотенце, уложила на кровать. И тут приехала Обухова: “Давай, мол, быстро, бери Азата и поехали разбираться в школу!” В школе была директор, те, кто снимал видео драки, Кирилл Макаров и его мама Татьяна Ефунина. Мы посмотрели видео, и Обухова велела его быстро удалить. Никто не спросил, как Азат себя чувствует, сразу стали пихать мне деньги за майку и штаны. Я говорю: “Какие деньги, у меня ребенок избит! Нам в больницу надо. Вызовите мне такси!” Обухова запротестовала: “Какое такси! Бери деньги, иди домой, пять дней отлежится, а я с питания его сниму”. Я смотрю на Азата, а у него глаз заплыл, лицо распухло, он еле стоит. И нас мать Макарова отвезла в больницу.

В больнице нам велели идти на “скорую”. Ольга Васильевна стала кричать: “Скажи, что он сам упал, не говори про драку! Иначе нам прилетит по шапке, а Азату еще учиться!” Но я, конечно, рассказала все, как было. Азату сделали снимок – перелом носа. Врач сказал, что лор в отпуске, но как только выйдет, нас сразу примут. Я сказала, что не буду ждать и поеду с Азатом в Самару к платному врачу».

До дома Найпа с Азатом доехали вместе с участковым Дмитрием Шишковым. Перед тем как сесть к нему в машину, Алгалиева, по ее словам, выслушала от Ольги Васильев-

ны угрозы о том, что если она напишет заявление в полицию, то Азата поставят на учет. Спросила у участкового, правда ли, что писать заявление чревато. «Он ответил, что я должна написать, потому что “это уже не первый случай насилия в школе, который пытаются скрыть”, и надо непременно написать заявление. Ну, я написала на родителей Макарова, на возмещение материального и морального вреда. В участке Елена Борисова, наша инспектор по делам несовершеннолетних (ее сын был одним из тех, кто снимал на видео, как били Азата), заявила, что в первую очередь будут ставить на учет моего сына. Я расплакалась: “Как, почему, ведь он пострадавший!” “Ну, он же первый на крыльцо вызвал Макарова!” – ответила она. Потом родители Макарова предложили мне десять тысяч. Берите, мол, и на этом давайте закончим. Я отказалась, сказала, что не знаю, сколько будет стоить его лечение, и деньги с них буду брать по ходу лечения, столько, сколько буду тратить. И уехала домой».

Вечером Азат упал на пороге кухни, и перепуганная Найпа позвонила в «скорую». Его осмотрели и направили в Самару. В самарской больнице Азат лежал почти две недели. И все это время, по словам Найпы, руководство школы не давало ей покоя.

«Мы выпустили весь район»

Весь рассказ Найпы Алгалиевой невозможно передать. Она до мельчайших подробностей помнит, куда ходила, с кем разговаривала, кто и как на нее кричал. Когда вспоминает оскорбления и насмешки, плачет. И за компанию с ней, точно отражение в зеркале, плачет сестра Ольга.

Найпа рассказывает, что следствие затягивали, а ее не пускали в полицию и не давали никакой информации. «С тех пор как дело ушло к участковому, прошел месяц полнейшей тишины. В милицию меня не пускали, я его караулила возле входа. Полицейские надо мной смеялись, мол, прет эта дура опять. Ни связей, ничего, чего она хочет добиться? У участкового никогда не было времени, чтобы со мной разговаривать, отмахивался, ждите, мол. Азат не хотел ходить в школу и, когда возвращался домой, молча запирался в своей комнате. Я пошла к Викторовой Татьяне, нашей главе департамента образования. Она говорит: “Ну и что, меня тоже обзывали дылдой в школе!” Но посоветовала мне и Азату школьного психолога. Азату психолог сказала, что бороться с ветряными мельницами нет смысла, вы одни, мол, систему не ломаете. А когда я пришла к ней на прием, она поставила в проходе стул и говорит: “Идите на стул”. Я пошла вперед и отодвинула стул, чтобы пройти. “Вот, – сказала психолог, – и ваши проблемы так же отодвиньте в сторону, как этот стул”.

Больше я к ней не ходила».

Потом Найпа поехала в министерство образования в Самару. По ее словам, министр Владимир Пылев позвонил главе администрации Хворостянского района Виктору Махову и сказал, что директора школы Савенкову нужно наказать. Махов обещал разобраться. «Линьков, замначальника полиции, вызвал меня после этого, сказал, мол, вы зачем туда жалуетесь? Мы дело ведем, но у нас сотрудников не хватает. И начались, наконец, подвижки по делу, нас повезли на судмедэкспертизу».

Когда Азат выписался из больницы и вернулся в школу, одноклассники объявили ему бойкот. Он рассказал, что Ольга Обухова прямо на уроке сказала ученикам, что из-за Азата ее могут уволить. «Все подошли к ней, стали утешать, говорить, что мы вас не отдадим никому, а я сижу как дурак и не знаю, куда деваться», – говорит Азат.

Азат тихий и скромный. Из него трудно выудить детали конфликта с одноклассниками. Когда Найпа при нем рассказывает, как тяжело ей сейчас приходится, Азат не комментирует, только беззвучно плачет. Но когда я разговариваю с ним наедине, выясняется, что он не рассказывает многое из того, что переживает в школе. Например, по словам Азата, сын Борисовой постоянно называет его «черножопым» и смеется над ним. Азата удалили из школьного чата и, если ему нужно уточнить что-нибудь по учебе, от него отворачиваются. «Я привык уже, не обращаю внимания», –

говорит Азат, глядя мимо меня в стену. На переменах Азат не выходит из класса – сидит один и рисует. Рисование – ширма, которой ему удастся отгородиться от внешнего мира. У него стопка дипломов и грамот за рисунки. Говорит, осталось немного, и он получит президентскую премию, которую отдаст маме, потому что «она всем ради нас жертвует». Азат мечтает стать дизайнером и говорит, что готов еще два года быть изгоем в классе, лишь бы его не трогали и дали доучиться. Вот только в том, что учителя позволят ему это сделать, Найпа не уверена.

«У нас село маленькое, все друг другу друзья и родственники. У школы связи в полиции, у полиции – в суде... Замначальника полиции – бывший ученик Обуховой, его дочка у нее в классе. У Ионесяна, сотрудника полиции, который на меня кричит больше всех, жена – помощник судьи. А его дочка – тоже ученица Обуховой. Глава района Махов с Обуховой, понятно, в тесных «рабочих» отношениях. Есть фото, где Махов, Савенкова и Викторова из департамента образования вместе на каком-то теплоходе... Они все тут друг за друга, а я чужая, взялась ниоткуда. Мне Обухова сказала как-то: “Ты кто? Ты никто! Ты – человек второго сорта. А мы выпустили весь район!”»

По словам Алгалиевой, против нее настроены и абсолютно все родители. Ее пригласили в школу на собрание, организованное родительским комитетом, где объявили, что будут собирать подписи за то, чтобы Обухова осталась класс-

ным руководителем. И предложили Найпе уехать из Хворостянки.

«Набросились на меня все, – рассказывает Найпа. – “Что вам надо, зачем донимаете всех? Ну подрались и подрались!” Кто-то сказал, мол, вы давайте еще, раскройте, как мы экзамены сдаем, чтобы наши дети ездили их сдавать в Безенчук! А кто-то предложил взять сына и уехать отсюда подальше. Я вышла оттуда в слезах и больше ни на одно собрание в школу не ходила. Только к директору по ее просьбе зашла один раз, она меня припугнула тем, что знает, что я не оформлена на мойке. “А вы налоги платите?” – спросила. На что я спросила у нее, платят ли ее учителя налоги с репетиторства. И ушла».

«Война»

Я прошу Алгалиеву подробнее рассказать об экзаменах. Что так взволновало родителей, что она должна раскрыть? Найпа мнется, но рассказывает.

«В прошлом году, когда моя дочь оканчивала школу, в день экзамена мне позвонила учительница. “Сдаст ли твоя дочь экзамен – зависит от тебя”. Мы с Азатом пришли к школе, а там такие толпы! Неподалеку от школы в домике сидели учителя, писали ответы на билеты. Борисова из полиции и еще кто-то передавал им записки с вопросами от учеников. Родители стояли тут же, заворачивали в записку деньги. Я просто обалдела тогда! И денег, конечно, никому давать не стала, Найля сама решила все экзамены».

Кроме самой Найли, рассказ Алгалиевой подтверждает и еще одна ученица, окончившая школу в прошлом году (девочка попросила не называть ее имени): «Мне мама сказала, что перед экзаменами родителей собрали и велели сдавать деньги. Тогда, мол, детям помогут, и они точно сдадут. Моя мама не сдала, но многие сдали. Если не знали ответ на вопрос, писали записку с вопросом и передавали. Я думала, что камеры должны быть, но, раз ничего не случилось, никто не узнал, они, наверное, были в офлайн. Вообще, это не первый случай, когда учитель настраивает класс против одного ребенка. Некоторые учителя ведут себя непрофессионально,

а директор на все закрывает глаза».

Другая выпускница хворостянской школы рассказала, заикаясь, что, когда она училась в третьем классе, кто-то из учеников написал помадой учительницы на зеркале слово «война». Учительница принялась искать виноватого по почерку – просмотрела тетради каждого ученика. «Обвинили нескольких человек, у кого похожий почерк, в том числе и меня. Она стала кричать на нас, я испугалась и начала заикаться. Не могла на ее уроках говорить вообще. Я из-за этой “войны” заикаюсь до сих пор».

Родители третьего сорта

Возможно, Алгалиева и дальше была бы одна на поле битвы, но в декабре к ней присоединилась еще одна жительница Хворостянки – Нина Туркина. Ее сына, третьеклассника Владика, избил одноклассник Азата Егор Костин. И Туркина столкнулась с похожей реакцией со стороны руководства школы.

«В нашей школе все друг другу друзья, все друг другу родственники, все друг друга выгораживают при любых происшествиях, – говорит Туркина. – До случая с Владиком ко мне относились очень хорошо. У меня кафе, несколько магазинчиков, я всегда сдавала деньги на нужды школы, оказывала любую помощь. А когда избили моего сына, я сразу стала чужой. Третьего декабря мне позвонила сноха: “Нина, Владика избили!” Мы с мамой с работы поехали домой и увидели зареванного Владика с разбитым лицом и затекшим глазом».

Туркина позвонила учительнице Владика, но та сказала, что ее не было в школе и она не в курсе, что случилось. Тогда Нина понеслась в школу. Там ей удалось выяснить, что Владика избил восьмиклассник Егор Костин, который вместе с Азатом в тот день дежурил по школе. По словам Владика и Азата удалось восстановить картину произошедшего.

«Владик бежал в туалет, врезался в Костина, – рассказывает Нина. – Тот повалил его на пол и начал давить. Владик

сопротивлялся, Костин ударил его по лицу. Азат подбежал, схватил Костина сзади и крикнул Владику, чтобы тот убегал. Костин успел сказать ему, что после уроков будет его ждать и добьет. В тот день учительница Владика уехала, оставив вместо себя библиотекаря. Та, заметив, что у одного из учеников распухшее лицо, выдала ему мокрую тряпку, велела приложить к лицу и продолжила вести уроки. Почему Владика не отвели в медицинский кабинет и не сообщили о случившемся родителям, непонятно. После уроков Владик пошел домой и упал на мосту рядом со школой. Его подняла проходившая мимо женщина и отвезла домой.

Мы с сыном и бабушкой поехали в больницу. Тут позвонила директор школы. “Вы сейчас где? Какая больница? Берите ребенка и сейчас же дуйте в школу!” Я говорю, я в больнице с ребенком, никуда не пойду. Тогда моей маме позвонила мать Костина и сказала, что они напишут на нас заявление, что это Владик напал на Костина. Вы представляете? Третьеклассник избил восьмиклассника!»

Владика положили в больницу с сотрясением и повреждением глаза. Мать Нины позвонила участковому, тот ей посоветовал поехать в полицию и написать заявление.

«После того как я написала заявление, меня с Владиком вызвали к директору, – рассказывает Туркина. – Она начала допрос моего сына. “Вы, наверное, не подрались, а просто лбом столкнулись, да?” “Нет, – ответил Владик. – Он меня побил”. “Может, ты его неправильно понял?” В общем,

Савенкова всячески настаивала на том, что драки не было. А потом сказала: “Если вы будете действовать дальше, мы напишем заявление на вашу маму”. И действительно, через какое-то время маму вызвали по заявлению библиотекаря. Якобы в школе моя мама назвала ее “сучкой”. А я все время была с мамой, ничего такого она не говорила. В ее лексиконе даже слова такого нет! Суд прошел очень быстро, маму оштрафовали».

Позже на комиссии по делам несовершеннолетних, по словам Нины Туркиной, ей пригрозили, что якобы есть свидетель, который видел, что Владик напал на Костина, а Азат его держал и кричал: «Бей его!» «Мне сказали, что, по словам свидетеля, мой сын якобы испытывал на Костине приемы бокса. А у меня сын такой, он даже постоять за себя не может. Этот мальчик, Саша, потом сказал Владиду, что ему велели так сказать: его мама – школьный психолог».

Владик худой и стеснительный. Мальчик вздрагивает при упоминании фамилии своего обидчика, а Нина рассказывает, что он боится ходить в школу. «Каждый раз истерики утром. А еще боится ходить на тренировки. Звонит из ФО-Ка и просит его забрать. Мы как-то подъехали, а он стоит за дверью и смотрит в щелочку на улицу».

На вопрос, почему Владик боится выходить на улицу один, он отвечает, что Костин обещал его побить, и он думает, что тот его подкараулит.

«Я недавно была на общешкольном собрании, – говорит

Нина. – Там Савенкова сказала, что есть несколько сортов родителей. Первый сорт – это те, кто помогает школе при любой просьбе. Второй сорт – те, кто помогает, но может и отказать в помощи. А третий сорт – это те, кто только бежит жаловаться в министерство образования и по судам».

Неадекватные

Хворостянская школа – мрачное трехэтажное здание. К ней ведет жуткий железный мост. Директор Ольга Савенкова выглядит растерянной, говорит, что ей нужно спросить разрешения на общение с журналистами у «своего руководства», и уходит из кабинета. Вернувшись, сообщает, что ей не разрешили давать комментарии: «Сделайте письменный запрос, мы вам ответим письменно». Об избиении Азата Савенкова уточняет, что «это произошло не в школе». А на вопрос, правда ли, что с Азатом в классе не разговаривают, а учителя не пытаются решить эту проблему, отвечает: «Это неправда. Его никогда не обзывали и сейчас с ним общаются. Она [Найпа Алгалиева] к нам ни с какими претензиями не обращалась, она сразу туда пошла, три ступени перешагнула! С ней мы общались всего один раз. Зайдите на наш сайт, у нас там результативность, мы в топ лучших школ России входим!»

Разрешение на общение с классным руководителем Азата Ольгой Обуховой Савенкова не дала. Посмотреть школу тоже не разрешила. Сама Обухова общения избегала – ее не удалось застать ни у входа в школу, ни у ее собственного дома.

Разговаривать отказались и другие участники конфликта. Удалось поговорить только с матерью Егора Костина На-

тальей. Костина возмущена поведением Нины Туркиной и Найпы Алгалиевой. Женщина очень расстроена и не понимает, почему они не захотели решать конфликт мирно, без участия суда и следствия. «Эти мамочки две – приезжие, они неадекватные. Зачем они везде обращаются? Всякое бывает, дети дерутся... Моему сыну тоже досталось, ему нос сломали, и, вообще, тот мальчик [Владик] первый начал драку! Но я же не жалуясь никуда. Они тут чужие, приехали сюда и ведут себя по-свински. Я плохого о директоре нашей школы, об учителях, ничего сказать не могу. Классная у нас хорошая, учит детей хорошо. В школе, я точно знаю, есть дежурные учителя, они всегда следят, чтобы ничего не случилось. Не знаю, как так вышло, что в этот раз не уследили».

В хворостянской больнице видели (свидетель просил не называть его имя), что на мать Азата «оказывали сильное давление». «Учитель ей угрожала, говорила, что все у мальчика пройдет и без “скорой”, подумаешь, побили! Что если дело дойдет до полиции, “нам всем влетит”. Она вела себя очень агрессивно, маму и мальчика было очень жалко». По словам работников больницы, обо всех происшествиях «скорая» обязана сообщать в полицию, что врачи и сделали, несмотря на давление со стороны школы.

«Она и спеть может»

Село Хворостянка довольно большое, но как всегда бывает в селах, все друг друга знают, а слухи распространяются с космической скоростью. Кто-то обсуждал избиение Азата и действия его матери в столовой, кто-то читал в газетах, кто-то слышал от соседей. Единого мнения на счет всей этой истории у местных жителей нет.

Продавец в местном магазинчике говорит, что «ничего про такой ужас не слышала». «Директор школы у нас хорошая женщина и спеть может. А конфликты... Ну, я не знаю, время сейчас такое. Я зашла как-то в школу, там носятся все... Ой! Такие дети, что поделать!»

Двое подростков, которые недавно окончили школу, рассказали, что «слышали, что кого-то отпинали там». Но мнение выразили по другому поводу. «У нас там учитель информатики сумасшедший. Как он туда попал, в эту школу, вообще непонятно. Говорят, друг директора. Он на уроке орет как ненормальный. А однажды кинулся на ученика и начал его душить. С ним надо что-то делать, а то либо он детей поубивает, либо они его однажды убьют».

Редкие продавцы на полупустом рынке поделились, что полностью на стороне Найпы. Мол, сын заступился за мать, и он молодец. Но в справедливость они не верят. «Связи у директора школы в полиции, судах, она мастер запугивать».

Местная жительница Ольга Курова, чей сын Данил тоже учится в хворостянской школе, рассказала, что тоже недавно конфликтовала с руководством школы, но жаловаться никому не стала.

«Мой ребенок 11 декабря споткнулся на физкультуре, упал и сломал руку. Его отвели к медсестре, “скорую” вызывать не стали (они никому не вызывают, потому что могут быть проблемы). Я примчалась в школу, а он стоит на улице, ждет меня. Его медсестра вывела, чтобы, видимо, был со своей рукой подальше от школы. Мы поехали первым делом в больницу, потом уже я стала разбираться. У них там полы в школе не меняли лет сорок, Данилка рассказал, что споткнулся о щель в полу. Классный руководитель стала меня уверять, что полы ремонтировали, и у них есть все документы. Мол, при чем здесь полы, это дети такие! Учителям пофиг на детей, им важна только своя репутация. Начали мне говорить, что кроссовки были не завязаны у него, еще что-то...»

Судя по фотографиям, в полу в школьном спортзале между старыми досками действительно щели и грубые швы. «Мне интересно, куда деваются наши деньги, которые мы бесконечно платим на нужды школы?» – недоумевает Ольга.

Зарина, преподаватель в доме детского творчества, знает о конфликте и волнуется за семью Азата. «Мама Азата одна пытается идти против системы, я за нее переживаю. Уже ходят слухи, что она якобы вымогала у родителей Макарова

деньги. Уверена, что это неправда. Найпа Алгалиева – очень порядочная женщина».

При упоминании имени Обуховой одна из девочек ожи-вилась и сказала, что Ольга Васильевна ведет у нее англий-ский язык. «Она несправедливо учит, в классе многим зани-жает оценки. Мы с девочкой одинаково контрольную реши-ли, она мне четыре поставила, а девочке – три. И потом го-ворила ее маме, что ей нужно репетиторство. Я занимаюсь у нее за деньги, и многие занимаются».

Ирина Глазкова, живущая в том же доме, что и Найпа Алгалиева, рассказала, что сочувствует Азату и его матери. «Да, они приезжие, ну и что? Они порядочнее многих мест-ных тут. Я не знаю точно, что у них там было с Обуховой, как они на нее работали, я не видела. Но видела, как она при-езжала сюда, как увозила Ольгу и привозила обратно. Одна-жды привезла ее, она уставшая вся такая. Я говорю: “Сколь-ко тебе она заплатила за весь день?” Та руку разжимает – в руке двести рублей. Я бы хотела, чтобы Найпа в этой схватке со всеми нашими “шишками” победила, потому что иначе так и будет у нас твориться произвол против простых хоро-ших людей».

На прошлой неделе делом Алгалиевой занялся новый ад-вокат из Самары, которого оплатила общественная органи-зация «Домик детства». В «Домик» Алгалиева обратилась случайно, увидев в интернете, что организация помогает де-тям и малоимущим семьям. По словам адвоката Нины Ива-

новой, судебное разбирательство, скорее всего, затянется. «В разумных пределах получить компенсацию морального вреда шанс у Алгалиевой есть. Но суд наверняка будет долгим, потому что мы привлекли в ответчики руководство школы. Конфликт начался в школе, и прямо сейчас климат там не очень хороший. Азат предоставлен сам себе, он не получает знания. Пока еще не было слушания с учетом новых обстоятельств, будем ждать».

* * *

Вечером Азат делает домашнее задание по английскому. Не понимает практически ничего, я подхожу, чтобы помочь. Заодно спрашиваю, как прошел его день в школе.

– Так, нормально, – отвечает он и склоняется над тетрадью.

– Как ты думаешь, почему с тобой в школе не разговаривают?

– Из-за Ольги Васильевны. Она настроила класс против меня. Будто я плохой, и мама моя плохая.

– Как бы ты хотел, чтобы эта история закончилась?

– Справедливо.

– Что для тебя значит «справедливо»?

– По закону... Чтобы наказали Ольгу Васильевну. За то, что мы на нее работали, за то, что она грубила моей мамке, за то, что занижает оценки.

– Может, тебе лучше переехать в Самару, пойти там в другую школу?

– Я не хочу, я тут привык. И мамке и так тяжело, она больная, а как мы там будем жить?

Я уезжаю из Хворостянки поздно вечером, в сильную метель. Снег засыпает и толкает машину, впереди ничего не видно, кроме бело-черной мглы. Водитель шутит, что за ночь Хворостянку заметет вместе с домами.

«Догвилль»

Для того чтобы история Найпы Алгалиевой получилась максимально полной и достоверной, мне потребовалось провести в Хворостянке несколько дней. На разговор с журналистом Найпа решилась от отчаяния. К тому времени, когда я приехала в Хворостянку, у нее уже не осталось сил, чтобы бороться самостоятельно. Ситуация была критической: Азат приходил домой в слезах, с ним не разговаривали в классе, учительница по английскому делала вид, что мальчика нет на уроках, директор школы прямо говорила Найпе о том, что им стоит уехать из села, а расследование по факту избиения Азата одноклассниками затягивалось и оборачивалось против жертвы. Поэтому наше первое интервью было скомканным и очень долгим: Найпа все время плакала.

Беседуя с Найпой, я чувствовала, что ее рассказ честный. А еще понимала, что она сообщила не все. Я редко довольствуюсь тем, что получаю на первом интервью. Хорошо, когда после опроса других участников истории и разговоров с местными жителями есть возможность снова вернуться к главному герою и задать уточняющие вопросы. Если он, как в случае с Найпой, расстроен и напуган, то может забыть о каких-то важных фактах, или может их стыдиться: мало кто готов излить душу незнакомому человеку, а тем более журналисту. Так что историю о том, как Найпа «попала в раб-

ство к классному руководителю», я услышала от нее не сразу. Женщина рассказала об этом, когда немного привыкла ко мне и поняла, что я здесь не из-за «жареных фактов», а хочу правды и справедливости, как и она.

Для меня в разговоре с героем самое главное – терпеливо слушать и не лениться снова и снова уточнять детали. В разных ситуациях, в разном настроении он вспоминает новые факты. И даже если повторяет свою историю по кругу – важно слушать внимательно. В его речи всегда может проскользнуть фраза, за которую можно зацепиться и задать вопрос.

Всякий раз, когда Найпа упоминала в своем рассказе классрука Обухову, я замечала, что она начинает плакать сильнее, и говорить ей становится сложнее. В очередной раз, обратив на это внимание, я спросила: «Найпа, я же вижу, что вам трудно говорить о ней. Почему?» Найпа замялась и сказала, что не уверена, что ей стоит рассказывать об этом. Я объяснила, что для того чтобы материал был объективным и достоверным, я должна знать все. И тогда она призналась, что всей семьей они работали на Обухову за оценки Азата.

Когда Найпа рассказала мне всю историю, я оказалась в сложной ситуации. Как журналист я понимала, что у меня в руках важная и «громкая» тема. И я обязана раскрыть ее как можно полнее. Но также было очевидно, что после этой публикации на Найпу станут давить еще сильнее. Для человека из маленького села, в котором все властные структуры в одной лодке, пойти против системы – значит подвергнуть

себя опасности. За развитием событий я буду наблюдать из Москвы, а Найпа останется в Хворостянке совершенно одна. А если она не справится? Возможных последствий для Алгалиевой я испугалась сильнее, чем она сама, потому что лучше представляла, какими те могут быть. И я считала правильным предупредить о них героиню и уточнить, действительно ли она хочет, чтобы я написала все, о чем она рассказала? Найпа неуверенно ответила, что готова бороться и верит в справедливость.

Конечно, невозможно на сто процентов предсказать, что произойдет после выхода материала. Но обрисовать круг возможных последствий для героя необходимо, особенно если это простой человек, никогда не сталкивавшийся с системой и не вступавший прежде в борьбу с ней в публичном поле. Важно дожидаться, чтобы он успокоился (сообщать о последствиях заплаканному человеку бессмысленно), и сказать что-то вроде: «Я не могу вам гарантировать, что публикация все изменит к лучшему. Может произойти то-то и то-то. Готовы ли вы к этому?»

Мое неожиданное появление в хворостянской школе напугало директора. Я прекрасно понимала, что разговор не состоится, но все равно включила диктофон. И когда она попросила меня уйти, я объяснила, что наличие в тексте второй стороны в ее же интересах.

Отсутствие комментария – тоже комментарий. Когда со мной отказываются говорить, я всегда объясняю потенци-

альному спикеру, что процитирую в тексте его отказ. И предупреждаю, что такая стратегия сыграет не в его пользу. Это часто срабатывает. В этом случае сработало не так, как хотелось бы, но короткий комментарий директора школы я все-таки получила.

С родителями одноклассников Азата, в том числе и тех, кто принимал участие в драке, я пыталась договориться о встрече через соцсети, поскольку их телефонов у меня не было. Никто из тех, кому я написала, не ответил. Понимая, как ценен комментарий матери мальчика, который избил Азата, я не стала ей писать, а отправилась прямо к ней на работу.

Иногда дойти до героя ногами лучшее, что журналист может сделать. Потому что в попытке разговаривать человека можно сориентироваться в ситуации и сказать то, что уместно именно в этот момент (в письменном монологе такой возможности нет). Плюс неожиданное появление журналиста дает меньше возможностей для отступления: к вам уже пришли, надо как-то отреагировать. Не желая разговаривать со мной в присутствии коллег, Наталья Костина отвела меня в отдельную комнату. Она была настроена враждебно, но я быстро объяснила, что не враг, и все, чего хочу – услышать мнение второй стороны. Умение растолковать собеседнику, почему его мнение важно, и что я соблюдаю нейтралитет, много раз «спасало» меня, помогая вывести на разговор враждебно настроенного спикера.

Наталья испугалась и явно не хотела со мной разговари-

вать, так что я быстро поняла, что в этой ситуации не могу включить диктофон (тогда она бы наверняка отказалась от диалога), поэтому ограничилась блокнотом. Позже, когда началась «охота на ведьм», я об этом пожалела.

Поскольку ни с кем из школьных работников пообщаться не удалось, а стороннее мнение о случившемся было необходимо, я пошла «в народ». Никто так охотно не делится сплетнями и мнениями, как продавцы или бабушки на лавочках. Опрос жителей села и родителей учеников хворостянской школы дал мне штрихи к портрету директора школы, понимание обстановки, несколько историй о поборах и поведении ее руководства в критических ситуациях. Разговор с Ольгой Куровой я записала на диктофон и получила от нее согласие на публикацию ее мнения. Кроме того, позже Ольга прислала мне несколько фотографий из школы (те самые полы) и всячески сотрудничала во время моего пребывания в Хворостянке: она очень хотела «наказать директора».

Работая над материалом, я практически сразу поняла, что вся ситуация напоминает фильм «Догвилль». И мне хотелось, чтобы финал истории отсылал читателей к этой картине. Я не хотела «в лоб» говорить в тексте, что это «Догвилль» – нужно было, чтобы аналогию провел кто-нибудь из героев. Чтобы финал был естественным, сложился сам собой. И я начала внимательно смотреть вокруг. Я часто использую этот прием, когда чего-то недостает, а реплики героев закончились. Окружающая реальность о многом может

сказать без слов. Когда мы уезжали из Хворостянки, поднялась сильная метель. Завязался разговор с водителем, который опасался, что мы можем не доехать до города. Я пошутила про то, что село Хворостянка явно не хочет нас отпускать, на что водитель заметил, что, если метель не стихнет, за ночь село заметет вместе с домами. И «Догвилль» сложился.

Угрозы, слезы и суды

После публикации материала руководство школы написало на меня и Найпу заявление в прокуратуру, обвиняя нас в клевете. Полиция начала опрашивать моих героев, и все, кроме Алгалиевой и Туркиной, отказались от своих комментариев. Директор школы отрицала, что разговаривала со мной, Ольга Курова, Наталья Костина, соседка Найпы также сообщили, что их слова – выдумка журналиста. Я пыталась связаться с Куровой, чтобы узнать, кто и как именно на нее давил (ходили слухи, что ей угрожали в школе), но она мне не ответила. Я не была к этому готова, но произошедшее было мне понятно. Журналист уехал, а жители остались наедине с местной властью и испугались расправы. Поскольку разговор с Костиной я не записала, у меня был повод переживать, но до суда дело в итоге не дошло.

С тех самых пор я записываю на диктофон всех и все. И обязательно сбрасываю файлы на флешку или в «облако», потому что никогда не знаешь, когда они понадобятся. Если не цитирую, а пересказываю слова героя, обязательно указываю, что все это – «по словам такой-то», «как утверждает такой-то». Это далеко не единственное заявление о клевете в моей биографии, и диктофонные записи обычно все расставляют по местам.

Я очень переживала за Найпу и Нину. Их бесконечно вы-

зывали в полицию и следственный комитет, вынуждая отказаться от сказанного журналистам. На них давили учителя и директор школы, им поступали анонимные угрозы. Нине Туркиной звонил неизвестный и грозил, что, если она «не заткнется», ее бизнесу придет конец. Найпу уволили с автомойки под каким-то нелепым предлогом. Было много публикаций, проверок, съемки для «Пусть говорят», куда ездили мои герои и руководящий состав школы (передача прошла плохо: сценарий развернулся вокруг истории с рабством, а Найпа рассчитывала, что ей помогут восстановить справедливость. Она растерялась перед камерами, много плакала и говорила очень скомкано).

В отношении Ольги Обуховой проводилась проверка по статье «Использование рабского труда», в отношении директора школы тоже были инициированы проверки. До окончания расследования Обухову отстранили от работы в школе. Зачем-то уволили чиновницу из районного отдела образования, которая к происходящему в хворостянской школе не имела никакого отношения и вряд ли вообще была в курсе.

Шумиха вокруг этой истории длилась несколько месяцев. Они были очень трудными для меня, потому что я переживала за героев и не могла переключиться на другие темы. Найпа часто звонила и плакала в трубку. Она говорила, что боится, что у нее нет сил, что она не понимает, почему классрук Азата и директор школы не уволены. «Где справедливость? Как нам дальше жить?» – спрашивала Найпа. И я с трудом нахо-

дила слова поддержки. Нина Туркина тоже была на грани. Не общаться с ними я не могла, потому что чувствовала ответственность. В конце концов мне пришлось обратиться к психотерапевту, потому что после звонков Найпы я не могла уснуть. Вместе с врачом мы пришли к тому, что моя работа и мое участие в этой истории должны были закончиться в момент публикации материала. Мне стало немного легче.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.